

И. А. Бодуэн де Куртенэ — исследователь русского арго

Михаил Александрович Грачев, Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова (Россия, Нижний Новгород),
ma-grachev@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170008301-0

АННОТАЦИЯ: В статье приводятся малоизвестные факты об изучении криминального социального диалекта, причем в начале XX в. Уникальность работы заключается в том, что автор статьи использует материал неопубликованной рукописи П. П. Ильина «Исследование жаргона преступников» (1912 г.). М. А. Грачев, используя факты, доказывает, что И. А. Бодуэн де Куртенэ провел глубокую аналитическую работу по данному лингвистическому феномену. При этом в качестве информантов он привлек осужденных, имеющих необходимые знания о языке, В. Ф. Трахтенберга и П. П. Ильина. Ареал исследования арго И. А. Бодуэном де Куртенэ достаточно велик: от Санкт-Петербурга до Иркутска. Заслуживает внимание и тот вклад в изучение арго, который внес знаменитый языковед, будучи редактором словаря «Блатная музыка («Жаргон» тюрьмы)». Интересны и остроумны его рассуждения о «виселичном юморе», который содержится в арго. Автор статьи подчеркивает, что исследования И. А. Бодуэна де Куртенэ являются первыми в изучении арго.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: арго, блатная музыка, исследование, лингвист, жаргон, словарь

для цитирования: Грачев М. А. И. А. Бодуэн де Куртенэ — исследователь русского арго // Русская речь. 2020. № 1. С. 91–101. DOI: 10.31857/S013161170008301-0.

Science and Persons

Jan Baudouin de Courtenay as the Researcher of Russian Argot

Mikhail A. Grachev, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod),
ma-grachev@mail.ru

ABSTRACT: The article is devoted to describing little-known facts about the studies of criminal dialects (argot) at the beginning of the 20th century. The author focuses on the unreleased manuscript by P. P. Ilyn “Studying criminals’ jargon” (1912). Prof. Grachev proves that Jan Baudouin de Courtenay did fundamental analytical research of argot. The remarkable fact is that Jan de Courtenay used information acquired from the prisoners (P. P. Ilyn and V. F. Trachtenberg), who had necessary linguistic competencies, for his study. Geographically, the area of de Courtenay’s research is quite large: from St. Petersburg to Irkutsk. Furthermore, it is important to mention another de Courtenay’s contribution to studying argot: he was an editor of the dictionary “Blatnaya Muzika, Jargon”. De Courtenay’s comments about the “hangman humour”, which is included in the argot, are interesting and ingenious. The author of the article emphasizes that Jan Baudouin de Courtenay was the first person to study Russian argot.

KEYWORDS: argot, criminals’ music (blatnaya muzika, blatnyak), research, linguist, jargon, dictionary

FOR CITATION: Grachev M. A. Jan Baudouin de Courtenay as the Researcher of Russian Argot. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2020. No. 1. Pp. 91–101. DOI: 10.31857/S013161170008301-0.

В настоящей статье мы попытаемся проанализировать далеко не изученную тему, касающуюся исследований И. А. Бодуэна де Куртенэ по русскому арготу. К сожалению, о данной проблеме говорили в научной литературе схематично, с многочисленными ошибками или в урезанном виде.

И. А. Бодуэн де Куртенэ работал в рамках изучения аргота сразу с двумя информантами (авторами или собирателями аргота в «естественных условиях», т. е. в местах лишения свободы). Первый из них, Василий Филиппович Трахтенберг, собрал арготический материал европейской части России. Названия мест сбора были указаны на форзаце его произведения «Блатная музыка (“Жаргон” тюрьмы)»: «По материалам, собранным в пересыльных тюрьмах: Петербургской, Московской (“Бутырки”), Виленской, Варшавской, Киевской и Одесской; в тюрьмах: в “Крестах”, в “Доме предварительного заключения”, в “Дерябинских казармах” (Петербург), в “Каменщиках” (Москва)» [Трахтенберг 1908].

Второй информант — осужденный каторжной Иркутской Александровской тюрьмы Павел Петрович Ильин, в последующем автор рукописи «Исследование жаргона преступников» [Ильин 1912]. Исследование арготической лексики криминального мира П. П. Ильин проводил с ведома знаменитого профессора-лингвиста Бодуэна де Куртенэ.

Прежде всего дадим характеристику информантов.

Долгое время существовало мнение, что Василий Филиппович Трахтенберг являлся сотрудником Департамента Санкт-Петербургской полиции (возможно, не в качестве штатного сотрудника, а как тайный осведомитель). В 1908 г. он находился в Таганской тюрьме, будучи осужденным за мошенничество. Между прочим, им был составлен не только словарь «Блатная музыка (“Жаргон” тюрьмы)», но и написана книга про известного русского мошенника «Необыкновенные похождения корнета Савина, знаменитого русского авантюриста: По воспоминаниям Василия Трахтенберга» [Трахтенберг 1909]. Кем доводился ему авантюрист кон. XIX — нач. XX в. корнет Савинов: соучастником, учителем мошеннических мероприятий, — мы можем только предполагать, но оба были аферистами, дерзкими и ловкими. Конечно, В. Ф. Трахтенберг в этих качествах во многом проигрывал корнету Н. Г. Савинову. И все же сходство и параллели здесь налицо.

До 90-х гг. XX в. многие лингвисты, пользовавшиеся словарем В. Ф. Трахтенберга, считали его чиновником, работавшим в Санкт-Петербургском департаменте полиции. И удивлялись, как мог человек без

лингвистического образования составить такой словарь. Добавлю: лучший из всех арготических словарей XX века! (Об этом факте упоминалось и в предисловии к «Словарю тысячелетнего аргю» [Грачев 2003].) Известно, что материалы словаря «Блатная музыка (“Жаргон” тюрьмы)» тщательно обработал и облагородил знаменитый лингвист И. А. Бодуэн де Куртенэ. На данный факт указывает и С. В. Вахитов в своем научном труде «“Музыка” до Трахтенберга: Материалы к словарю русского жаргона XIX в.». «Словарь В. Ф. Трахтенберга “Блатная музыка...”», – писал ученый, – первое авторитетное издание собрания воровской лексики – вышел в 1908 г. Авторитетность книге придает редакторская работа И. А. Бодуэна де Куртенэ, о самом же авторе мы знаем немного. Вячеслав Тонков в своем исследовании воровского языка [Тонков 1930] называет его профессором Трахтенбергом. (Перефразируя популярное выражение А. М. Горького, спросим: «А был ли профессор?» — М. Г.) Сведения о жизни автора словаря довольно скупы, однако складывается впечатление, что это был человек авантюрного склада, довольно далекий от науки. В Интернете как-то промелькнуло сообщение о его причастности к афере с продажей южноафриканских рудников правительству Франции, в публицистике же начала XX в. имеются заметки о его неблагоприятных похождениях. В. Ф. Трахтенберг был родом из состоятельной купеческой семьи, в мае 1899 г. он окончил курс во 2-й Санкт-Петербургской гимназии и поступил в Императорскую военно-медицинскую академию. Образование не завершил, поскольку пристрастился к карточным играм и, имея легкий источник дохода, вел праздный образ жизни. Неоднократно становился участником судебных разбирательств, к которым привлекался то как свидетель, то как обвиняемый. Известно, что в 1900 г. он был приговорен к месячному тюремному заключению, а еще через какое-то время суд приговорил его к двум месяцам тюрьмы. По сообщению Х. Вальтера (известный лингвист ФРГ, исследователь русского аргю. — М. Г.), умер он где-то в Париже» [Вахитов 2003: 16]. Видимо, непосредственное знакомство с тюремным бытом и дало возможность В. Ф. Трахтенбергу собрать арготический материал, который впоследствии был приобретен отделением русского языка и словесности Императорской академии наук для пополнения издаваемого словаря русского языка (то есть В. Ф. Трахтенберг и на этом деле заработал неплохие деньги! — М. Г.).

И. А. Бодуэн де Куртенэ провел научную обработку этих записей, добавил известную ему воровскую лексику, сделав множество выписок из труда Григория Брейтмана [Брейтман 1901], составил указатель к словам и написал предисловие к работе. Заметим, что книга Г. Н. Брейтмана

является добросовестным трудом исследователя, который скрупулезно описал не только арго различных воровских сообществ, но и сами эти сообщества. По сути, И. А. Бодуэн де Куртенэ создал свой словарь тюремного аргот, но, будучи человеком скромным и глубоко порядочным, оставил авторство за В. Ф. Трахтенбергом. Чего тот так и не оценил, выдавая словарь за исключительно свой труд.

Столь пространное цитирование С. В. Вахитова и наши попутные замечания дают нам представление о личности В. Ф. Трахтенберга, а главное, о том огромном вкладе, который внес профессор И. А. Бодуэн де Куртенэ в дело изучения арготической лексики. До сих пор его труды по языку криминального мира являются одними из самых авторитетных. Нам неизвестен первоначальный вариант рукописи В. Ф. Трахтенберга: в свой словарь он включил только арготические лексемы, без контекста, но с различными пометами, указывающими на степень бытования их в той или иной местности европейской России или в определенной криминальной среде (например, у воров-карманников, конокрадов, взломщиков сейфов и проч.). Мы добавим к исследованию нашего коллеги С. В. Вахитова: роль В. Ф. Трахтенберга при составлении данного словаря вторична, основную лингвистическую работу проделал профессор И. А. Бодуэн де Куртенэ, т. е. один из них собрал сырьевой материал, а другой качественно его обработал. И все же в словаре «Блатная музыка («Жаргон» тюрьмы)» были недочеты. И основные из них — это отсутствие ударения и контекста, иллюстрирующего функционирование определенного арготизма.

Эти недочеты исправил П. П. Ильин в «Исследовании жаргона преступников» [Ильин 1912]. Он собирал не только слова, но и элементы почти всей субкультуры криминального мира. П. П. Ильин прекрасно понимал, что эти элементы перекрещиваются и тематически, и лингвистически. Хотя, заметим, в его труде нет ни одного упоминания о воровских татуировках — своеобразной письменной форме аргот. Между тем о них уже упоминал журналист (писатель) Г. Н. Брейтман (псевдоним Гр. Неволин) в своей работе «Преступный мир» [Брейтман 1901]. Татуировки, как известно, тоже часть субкультуры криминального мира, причем достаточно распространенная и очень важная среди уголовников.

Но это — вторично. Главное, что работы В. Ф. Трахтенберга и П. П. Ильина являются свидетельством того, что арго стало серьезным предметом исследования для И. А. Бодуэна де Куртенэ. И не только для него.

По своим политическим взглядам И. А. Бодуэн де Куртенэ был конституционным демократом (кадетом), но стоял за автономию Польши, а также хотел, чтобы польский язык изучался наравне с русским в Российской империи. Его свободололюбивые взгляды не остались незамеченными

ми со стороны российских правоохранителей. И 29 мая 1914 г. в Санкт-Петербурге особое присутствие судебной палаты, выслушав кассированное Сенатом дело о профессоре Бодуэне де Куртенэ, признанном виновным по ст. 129 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных Российской империи, приговоренном к двум годам крепости и оправданном по статье 1034, признало его виновным и по этой статье и приговорило к аресту в тюрьме на три месяца. Это наказание поглощено первым. Три месяца он провел в Крестах за издание статьи «Национальный и территориальный признак в автономии» [Бодуэн де Куртенэ 1914: 2]. Ирония судьбы, которая жестоко посмеялась над ученым: он теперь изучал аргю в естественных условиях!

Другой ученый, академик А. А. Шахматов, которому Бодуэн де Куртенэ передал рукопись П. П. Ильина для ознакомления и принятия решения по ней, тоже выступал против политики царизма, во всяком случае также был кадетом (конституционным демократом), но не эмигрировал из России после революций 1917 г. и спас рукописи, в том числе и две тетради П. П. Ильина с «Исследованием жаргона преступников», когда все разворачивалось и уничтожалось хозяевами «нового мира».

А. А. Шахматов, будучи заведующим филологическим отделением АН России, удивил своих коллег-лингвистов заявлением о том, что в подготавливаемый ими словарь русского языка нужно ввести и «живую» речь, в том числе и арготизмы. Следует отметить, что составители будущего общенародного словаря русского языка ратовали в целом за литературные лексемы, без допущения в их состав большого количества разговорной лексики. Несомненно, оба ученых — и И. А. Бодуэн де Куртенэ, и А. А. Шахматов — стояли на одних позициях по поводу использования аргю в лексикографических целях и активно отстаивали свои взгляды в кругу отечественных лингвистов.

Словарь В. Ф. Трахтенберга под редакцией и при участии И. А. Бодуэна де Куртенэ представляет собой серьезный, основательный труд и является богатейшим источником для филологических изысканий в области лексикографии, социолингвистики, истории русской культуры и истории русского языка. Тогда понятно, почему лингвист И. А. Бодуэн де Куртенэ взялся сотрудничать с П. П. Ильиным, заключенным иркутской каторжной тюрьмы: если В. Трахтенберг описал аргю европейской России, то П. П. Ильин изучил в основном аргю сибирской (азиатской) России. Хотя в их работах порой имеются и многочисленные перекрещивания, т. е. повторения арготизмов. И это вполне оправданно, так как к началу XX в. в России сложились, благодаря общей системе пенитенциарных учреждений, устойчивые общеуголовное, тюремное и специа-

лизированные аргот. В то же время имелись и некоторые территориальные отличия. Они были связаны со спецификой отбывания наказания в различных местах лишения свободы с местным географическим колоритом, окружением различных народов. Например, в Сибири вольные поселенцы (так назывались каторжники, отбывавшие заключительную часть наказания вне стен тюрьмы на поселении) могли общаться с аборигенами: якутами, китайцами, эвенками и проч. И от них, как это показывает П. П. Ильин в своем исследовании, ряд слов перешел в тюремное аргот.

И. А. Бодуэн де Куртенэ тщательно проинструментировал П. П. Ильина. С удивлением замечаешь, как сходны политические взгляды знаменитого лингвиста и осужденного П. П. Ильина. В рукописи наблюдается скрытое недовольство общественным строем и даже критика царской семьи и правительства. Возможно, что П. П. Ильин попал и под политическое обаяние знаменитого лингвиста.

Говоря о композиции рукописи, следует подчеркнуть, что она составлена по всем законам лингвистического жанра. В конце даже приведен словарь из арготизмов, употребляемых в рукописи и, между прочим, с проставленными на них ударениями. Здесь явно наблюдаем влияние И. А. Бодуэна де Куртенэ. К сожалению, не удалось обнаружить переписку между учеником и учителем.

И. А. Бодуэн де Куртенэ был известен в России своими смелыми суждениями о русском языке: если многие филологи стыдливо замалчивали и лишь косвенно упоминали о существовании нецензурных слов и аргот, то для Ивана Александровича не было запретных тем в лингвистике.

О научных контактах с И. А. Бодуэном де Куртенэ П. П. Ильин писал: «Г-н профессор И. А. Бодуэн-де-Куртенэ был настолько любезен, что прислал мне две брошюры. По условиям тюремного режима мне пришлось воочию просмотреть только одну из них — “Блатная музыка” Трахтенберга» [Ильин 1912: 6]. И. А. Бодуэн де Куртенэ неслучайно передал П. П. Ильину словарь В. Ф. Трахтенберга «Блатная музыка (“Жаргон” тюрьмы)»: он хотел узнать о нем мнение «просвещенного» носителя аргот.

П. П. Ильин был настолько благодарен профессору, что горячо упомянул о его помощи при передаче своего исследования в Российскую академию наук. «Представляя свой труд на просмотр Академии наук, — писал он, — должен выразить глубочайшую благодарность г-ну профессору И. А. Бодуэну де Куртенэ, порекомендовавшему мне сделать это и принявшему горячее участие в моих работах. Кроме того, принужден сделать оговорку: мой труд может иметь какое-нибудь, хотя самое малое значение для специалиста-историографа или криминолога, филологическая

часть, быть может, послужит для пополнения подробного словаря, издаваемого Академией» [Ильин 1912: 198].

К сожалению, общенародный словарь русского языка, в который были бы включены и арготизмы, собранные В. Ф. Трахтенбергом и П. П. Ильиным, так и не вышел в свет.

И. А. Бодуэн де Куртенэ, характеризуя «блатную музыку», с сарказмом писал о «виселичном юморе»: «Многие слова и выражения искрятся своеобразною иронией и юмором, который чаще всего, — как это иначе и быть не может, — подходит под понятие т<ак> наз<ываемого> “виселичного юмора” (Galgenhumor)» [Бодуэн де Куртенэ 1908: XV].

Мы так и не узнаем, получил ли П. П. Ильин деньги за свой труд (как тот же В. Ф. Трахтенберг). Но нам представлялся другой сценарий судьбы данной рукописи:

- 1) включение ее лексического материала в словарь русского языка, который готовило к изданию филологическое отделение АН России;
- 2) издание ее отдельной книгой с авторством П. П. Ильина и с возможным предисловием И. А. Бодуэна де Куртенэ, если бы не последующие политико-экономические катаклизмы: I мировая война, две революции 1917 г. и последующая за ними Гражданская война.

И все равно след этой рукописи остался в 30-х гг. XX в. Так, составители «Толкового словаря русского языка» [Ушаков 1935–1940] В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков частично использовали ее материалы.

Следует расширить некоторые высказывания ученых, анализировавших труды И. А. Бодуэна де Куртенэ об арго. Профессор не писал «о причинах и закономерностях появления арго» (см. об этом утверждение Т. М. Николаевой [Николаева 2004: 177]), так как для данного аспекта нужно большое специальное исследование, а в предисловии к словарю В. Ф. Трахтенберга это было невозможно, хотя и в нем были намечены отдельные контуры, смело выхвачены основные линии изучения.

О причинах и закономерностях появления арго и необходимости его анализа ученый, будучи редактором 3-го издания словаря Даля, писал: «Научная точность каждого толкового словаря со стороны самого материала является в отражении действительности в жизни и воззрениях данного народа. Если жизнь является дикою и безобразною, составитель или же редактор должен примириться с этим печальным фактом и не может ограничиваться замалчиванием. Сказанное относится ко всему: сквернословиям, ругательствам, мерзостям площадного жаргона. Лексикограф не имеет права урезывать и кастрировать “живой язык”. Раз известные слова существуют в умах громадного большинства народа и беспрестан-

но выливаются наружу, лексикограф обязан занести их в словарь, хотя бы против этого восставали и притворно негодовали все лицемеры и тартюфы, являющиеся обыкновенно большими любителями сальностей по секрету» [Даль 1909: 4].

Ранее, в предисловии к словарю В. Ф. Трахтенберга, автор высказал мысль о необходимости изучения «тайного» языка, «жаргона тюрьмы», или «блатной музыки», составляющей «достоверный материал для психолога, этолога (теоретика или историка этики или нравственности), для юриста (теоретика и практика), для фольклориста, для исследователя народной словесности и прежде всего для лингвиста или языковеда». Блатная музыка есть один из русских «говоров», конечно, не в обыкновенном смысле этого слова [Трахтенберг 1908: 12].

Некоторые исследователи [Николаева 2004: 177] считают, что наиболее полными фиксациями аргот явились указанный словарь В. Ф. Трахтенберга, вышедший в 1908 г. с предисловием и под редакцией Бодуэна де Куртенэ, и «Словарь воровского и арестантского языка» [Попов: 1912].

Оба этих словаря зафиксировали только часть лексики аргот, причем «Словарь воровского и арестантского языка» составлен безобразно. На данный факт указывал и Д. С. Лихачев в своем знаменитом труде «Черты первобытного примитивизма воровской речи» [Лихачев 1992: 362]. Мы же добавим: с многочисленными «заимствованиями» из книги Вс. Крестовского «Петербургские трущобы» и словаря В. Ф. Трахтенберга, без ссылок на данные источники. В словаре наблюдается факт несомненного плагиата. Но это еще полбеда для науки. Читатель XXI в. воспринимает арготизмы XIX в. как современные слова. То есть современный исследователь аргот, воспринимая эти слова как относящиеся к XXI в. и вводя их в научный оборот, допускает еще одну ошибку. Другой исследователь ссылается на этого автора, невольно становясь соучастником еще одной ошибки. И эти ошибки, нарастая как снежный ком, могут серьезным образом навредить науке о языке. (Такого рода ошибки были замечены нами в научных статьях, кандидатских и даже докторских диссертациях!) Поэтому первоисточники, «Блатная музыка («Жаргон» тюрьмы)» В. Ф. Трахтенберга с предисловием И. А. Бодуэна де Куртенэ и рукопись П. П. Ильина, могут быть не только важным подспорьем в изучении аргот, но и позволят очистить предыдущие утверждения, исследования от ошибок.

И. А. Бодуэн де Куртенэ неслучайно занимался социолектами. Он хотел разобрать все проявления языка: от литературного (нормированного) языка до территориальных и социальных вариантов языка. То есть он опережал время.

Источники

Бодуэн де Куртенэ И. А. Национальный и территориальный признак в автономии (1913) // Архангельск. 31.05.1914. № 119.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Предисловие к словарю В. Ф. Трахтенберга «Блатная музыка (“Жаргон” тюрьмы)». СПб., 1908. 23 с.

Брейтман Г. Преступный мир. Киев, 1901.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. Т. IV. СПб., Москва: Т-во М. О. Вольф, 1909.

Ильин П. П. Исследование жаргона преступников. Рукопись БАН 25.4.7. 1912 г. 223 с.

Крестовский Вс. Петербургские трущобы: Книга о сытых и голодных. В 6 ч. СПб.: Человек, 1993.

Попов В. М. Словарь воровского и арестантского языка. Киев, 1912.

Тонков В. А. Опыт исследования воровского языка / С предисл. М. А. Васильева. Казань: Б. и., 1930. 90 с.

Трахтенберг В. Ф. Блатная музыка («Жаргон» тюрьмы). СПб.: типография А. Г. Розена, 1908. XX, 116 с.

Трахтенберг В. Ф. Необыкновенные похождения корнета Савина, знаменитого русского авантюриста. Вып. 1. СПб., 1909. 124 с.

Литература

Вахитов С. В. «Музыка» до Трахтенберга: Материалы к словарю русского жаргона XIX в. Уфа: Изд-во БГПУ, 2003. 116 с.

Грачев М. А. Словарь тысячелетнего русского аргю. М.: РИПОЛ-Классик, 2003. 1120 с.

Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Балдаев Д. С., Белоко В. К., Исупов И. М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). М.: Край Москвы, 1992. С. 354–398.

Николаева Т. М. Бодуэн де Куртенэ — редактор словаря В. Ф. Трахтенберга «Блатная музыка (“Жаргон” тюрьмы)» // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. С. 176–181.

Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. Т. I–IV. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.

References

Grachev M. A. *Slovar' tysyacheletnego russkogo argo* [Dictionary of thousand-year Russian argot]. Moscow, RIPOL-Klassik Publ., 2003. 1120 p.

- Likhachev D. P. [Features of primitive primitivism of thieves' speech]. Baldaev D. P., Belko V. K., Isupov I. M. *Slovar' tyuremno-lagerno-blatnogo zhargona (rechevoi i graficheskii portret sovetskoi tyur'my)* [Dictionary of prison-camp-criminal jargon (speech and graphic portrait of a Soviet prison)]. Moscow, Kraya Moskvyy Publ., 1992, pp. 354–398. (In Russ.)
- Nikolaeva T. M. [Baudouin de Courtenay – V. F. Trakhtenberg's Dictionary "Blatny Music" ("Prison Jargon")]. *Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: Lingvokul'turologicheskii aspekt* [Russian and Comparative Philology: Linguocultural Aspect]. Kazan, Kazan St. Univ. Publ., 2004, pp. 176–181. (In Russ.)
- Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. I–IV. Moscow, Sov. Encyc. Publ.; OGIZ Publ.; St. Publ. of Foreign and Nat. Dict., 1935–1940.
- Vakhitov P. V. *"Muzyka" do Trakhtenberga: Materialy k slovaryu russkogo zhargona XIX v.* ["Music" before Trachtenberg: Materials to the dictionary of the 19th century Russian jargon]. Ufa, BSPU Publ., 2003. 116 p.